

Вопросы, связанные с применением к военнопленным в раннее новое время средств ограничения подвижности, еще никогда не привлекали к себе внимания ни отечественных, ни зарубежных юристов. Между тем их рассмотрение могло бы способствовать более глубокой реконструкции процессов эволюции военного и международного гуманитарного права.

Установлено, что в первой половине XVII – XVIII вв. в большинстве государств Европы сложилась и утвердилась императивная норма обычного международного права и военной этики, предусматривающая запрет на заключение пленных в оковы. Раскрыты основные исторические предпосылки зарождения и становления данного запрета. Доказано, что рассматриваемая норма сформировалась вследствие признания солдата противника носителем воинской чести, а главное ее назначение состояло в том, чтобы не допустить отождествления военнопленного с преступником. Подчеркнуто, что в России запрет на применение к пленным средств ограничения подвижности развивался в русле основных общеевропейских тенденций и в тесной связи с модернизацией страны и ее вооруженных сил.

Ключевые слова: воинская честь; кандалы; оковы; правонарушение; С. Пуфендорф; связывание.

Виталий Витальевич Познахирев, канд. ист. наук,
кафедра истории, гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
ЧУОО ВО «Университет «Реавиз», Санкт-Петербург, Россия;
vvr@list.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАПРЕТА НА ПРИМЕНЕНИЕ К ВОЕННОПЛЕННЫМ СРЕДСТВ ОГРАНИЧЕНИЯ ПОДВИЖНОСТИ В РОССИИ И ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ (СЕРЕДИНА XVII – XVIII вв.)

Введение

Распад феодальной системы в Европе сопровождался, наряду с прочим, и глубокой трансформацией всей средневековой модели военного плена. Выражалось это, главным образом, в отрицании устаревших обычаев и, соответственно, в зарождении и развитии новых практик. Со временем одни из таких практик стали общепризнанными правовыми нормами, примером чему может служить безусловная обязанность воюющих довольствовать пленников пищей. Другие, напротив, были отвергнуты, что произошло, в частности, с попыткой отказаться от принудительного трудового использования солдат противника. Третьи же, к числу которых относим и вопрос о запрете на применение к военнопленным средств ограничения подвижности (связывание, заключение в оковы и т.п.), до сих пор не получили должного научного осмысления. Во всяком случае, ни в отечественной, ни в зарубежной историографии не удалось обнаружить ни одной *специальной работы* по рассматриваемой теме. Между тем ее детальное и всестороннее исследование могло бы, как представляется:

– пролить дополнительный свет на процессы эволюции военного права, международного гуманитарного права, профессиональной этики военнослужащих и даже культуры войны;

– расширить и уточнить знания о месте и роли в перечисленных процессах России;

– способствовать генерированию новых идей в ходе активно обсуждаемых сегодня юридических и морально-нравственных проблем вооруженных конфликтов эпохи постмодерна.

Кроме того, данной публикацией рассчитывается привлечь внимание специалистов к тому факту, что основополагающие нормативные документы права войны традиционно не содержат четкой регламентации сферы применения средств, ограничивающих свободу движений пленников. Это в полной мере относится и к действующей Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «Об обращении с военнопленными», и к другим, предшествующим ей документам от 27 июля 1929 г. и Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны».

Думается, что указанная неопределенность не только создает условия для произвола, но и грозит драматическими последствиями самим пленникам. В подтверждение сказанному можно сослаться на события осени 1942 г., когда власти Великобритании и Германии, руководствуясь принципом взаимности, и исходя из диаметрально противоположных толкований норм обычного и позитивного права, наложили оковы на тысячи солдат и офицеров противника. Этот «кандалный кризис» продолжался нескольких месяцев, привел к волнениям и даже мятежам в местах расквартирования военнопленных (самым значительным из которых считается так называемая «Битва за Боуманвиль») и разрешился лишь благодаря вмешательству Международного Комитета Красного Креста и правительства Швейцарии [19, с. 491–492; 20, с. 87].

Полагаем, что сказанное достаточно убедительно свидетельствует о *новизне* и *актуальности* настоящей статьи и вместе с тем детерминирует ее главную *цель*: реконструировать процесс развития запрета на ограничение подвижности пленных и обосновать его роль и значение как нормы этики и обычного права, одинаково действующей в России и западных странах.

Объектом изучения выступают военнослужащие европейских держав и США, находившиеся во власти противника в войнах середины XVII – XVIII вв.; *предметом* – эволюция порядка и особенностей применения к названным лицам средств, ограничивающих свободу их движений.

Нижняя граница хронологических рамок исследования совпадает с завершением Тридцатилетней войны 1618 – 1648 гг., то есть последнего крупного религиозного конфликта в Европе, положившего начало очередному этапу гуманизации военного плена. *Верхняя граница* носит условный характер.

Методологическую базу работы составили, в основном, историко-правовой, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-ситуационный методы.

При написании статьи использовались труды российских и зарубежных ученых, опубликованные источники, а также документы пяти архивохранилищ бывшего СССР.

Обсуждение и результаты

В первую очередь отметим, что до середины XVII столетия применение к военнопленным средств ограничения подвижности, судя по всему, нормами права не регулировалось, а являлось, скорее, результатом усмотрения того или иного должностного лица. Вместе с тем из исторической литературы можно понять, что чаще всего оковы на пленников налагались:

а) в периоды их пребывания на театрах военных действий (особенно, в осажденных крепостях);

б) на этапах эвакуации (главным образом, при недостатке конвоя и(или) отсутствия в его составе достаточного числа конных стражников).

В местах же интернирования власти державшей в плену державы обычно ограничивали подвижность лишь отдельных категорий пленников, как-то: представляющих особую ценность, склонных к побегам и др. Впрочем, своеволие некоторых начальников и здесь могло играть далеко не последнюю роль. В подтверждение тому сошлемся на события 1525 г., когда глава Великого княжества Литовского распорядился представить ему подробный отчет о всех находящихся в княжестве россиянах, плененных в ходе Русско-литовской войны 1512 – 1522 гг. (конфликт завершился не мирным договором, а перемирием, не предполагающим обмен пленными). Как видно из составленного исполнителями документа, в четырех пунктах расквартирования из пяти военнопленные не были ничем ограничены в своих движениях. И лишь в отношении одного (г. Слоним) отмечалось, что здесь россияне «все сидят покованы, а сторожа к ним приставлены весьма твердо» [1, с. 163–164].

Отсутствие юридической регламентации в вопросе ограничения подвижности пленников не могло не привлекать внимания мыслителей, стоявших у истоков права вооруженных конфликтов. Так, Г. Гроций (1583 – 1645) высказывался по данному вопросу в том смысле, что при необходимости в оковы может быть заключен любой военнотрудовой противника. Одновременно ученый подчеркивал, что пленник, давший слово воздержаться от побега «с тем, чтобы не быть закованным в цепи», становится связанным своим обещанием; но если впоследствии он все-таки окажется в кандалах, то тем самым освободится и от данного им слова [3, с. 816].

Эту мысль Г. Гроция развил его немецкий коллега С. Пуфендорф (1632 – 1694), положивший в основу своих рассуждений два следующих тезиса:

а) все пленные делятся на тех, кто достоин «доверия и чести», и тех, кто недостоин ни того, ни другого. (Весьма показательны, что об иных критериях дифференциации этих людей, как-то: воинское звание, должность, принадлежность к определенному сословию и т.п. – ученый даже не упомянул.);

б) акт пленения представляет собой договор, по которому «Побежденный получает пощаду и гуманное обращение в обмен на отказ от продолжения сопротивления и обязательство повиниться своему Победителю». При этом соглашение расторгается в случае нарушения его условий одной из сторон (например, если пленник подвергнется побоям или, наоборот, сам умышленно причинит вред противнику).

Акцентируя внимание на том, что указанный договор может быть заключен лишь с человеком чести, С. Пуфендорф утверждал, что «обязанность такого Победленного повиноваться Победителю вытекает не столько из сохранения ему жизни, сколько из его освобождения от цепей и заточения» (*здесь и далее курсив авт.*). Что же касается лиц, не заслуживающих «доверия и чести», то, по мнению ученого, они должны «содержаться в кандалах и размещаться в застенках», так как исполняют предъявляемые им требования не в силу морального долга, а исключительно «по принуждению, подобно преступникам и прочим грубым созданиям <...> Отсюда становится понятным, – писал он далее, – что существует огромная разница между людьми, водворяемыми в тюрьмы <...> и теми, кто заключил со своим Победителем договор <...> Первые повинуются не из чувства долга, а из страха наказания <...> Да и уже само содержание человека в цепях или в темнице есть признак того, что мы не считаем его связанным с нами <...> каким-либо обязательством или моральными ограничениями» [25, с. 491–492].

Еще один основоположник права войны – Э. Ваттель (1714 – 1767), – вероятно, пытался совместить позиции своих предшественников. С одной стороны, он соглашался с тем, что честное слово пленного офицера заменяет надетые на него кандалы. Но, с другой, полагал, что военнослужащих противника «не возбраняется отправить в застенки и даже заключить в оковы, если есть основания подозревать, что они могут взбунтоваться или совершить побег» [29].

Анализируя и сопоставляя все перечисленное, считаем возможным сформулировать два предварительных вывода:

а) Г. Гроций и Э. Ваттель, несмотря на различия во взглядах, одинаково *допускали* применение средств ограничения подвижности к *любому* пленнику;

б) точка зрения С. Пуфендорфа была принципиально иной и, по сути, может быть сведена к следующему суждению: *военнослужащий и в плену остается носителем воинской чести, которая объединяет его с противником, отграничивает от преступника и, в итоге, делает недопустимым содержание такого человека в оковах.*

Полагаем, что воззрения С. Пуфендорфа, в основе своей, были адекватны ключевым особенностям европейских армий второй половины XVII – XVIII вв., когда:

– укрепление монархической власти привело к окончательному упразднению частных вооруженных формирований, частных войн и частного плена;

– на смену наемным войскам, набранным из случайных лиц, почти не знающих правильного тылового обеспечения и объединенных жаждой военной добычи, пришли постоянные армии, в которых люди служили исключительно своему королю и довольствовались получаемым от него жалованием;

– религиозные войны уступили место кабинетным, в условиях которых практика массового убийства пленных перестала быть неотъемлемой частью борьбы за контроль над территорией и ресурсами противника.

В свете изложенного не приходится удивляться тому, что концепция С. Пуфендорфа и в наши дни привлекает к себе внимание историков права, которые уточняют и развивают ее отдельные положения. Так, по оценкам Р. Морье, уже в XVII в. «степень физической свободы, предоставляемой пленным, отражала их место в социальной иерархии и опиралась на категорию “честь”» [22, с. 243]. С. Тайко, со своей стороны, утверждает, что «все, кто служил в быстрорастущих армиях и флотах середины XVII столетия, ценили признание чести военнопленных как важный признак, отграничивающий их от обитателей тюрем <...> Ведь верный присяге и повинующийся своему королю солдат, – пишет он далее, – всем своим поведением доказывает, что является человеком высоких моральных принципов, а это значит, что он заслуживает более достойного обращения, нежели преступник» [28, с. 41–43].

Особый интерес представляют выводы Б. Донаган, полагающей, что в рассматриваемую эпоху военнослужащие европейских держав одинаково видели в своих армиях «благочестивые корпорации», состоящие из «солдат, джентльменов и христиан, действующих в соответствии со сходными этическими кодексами и разделяющих практически одни и те же моральные и культурные ценности». Сказанное приводит историка к убеждению, что на исходе раннего нового времени «знание солдатом законов и ритуалов чести, а также их правильное применение, повышали его уверенность в собственной значимости, <...> побуждали корректно относиться к противнику и объединяли военнослужащих враждующих армий в членов некоего более крупного сообщества». Таким образом, «честь стала интернализированной ценностью, связывающей солдата с сослуживцами и врагами», – заключает Б. Донаган [13, с. 368, 384, 388].

Переходя к национальным законодательствам стран Запада, нельзя не обратить внимания на тот факт, что базовые нормативные документы середины XVII – XVIII вв., как правило, не содержали никаких предписаний, дозволений или запретов в отношении применения к военнопленным средств ограничения подвижности. Это относится ко всем известным воинским уставам (артикулам), собраниям инкорпорированных ордонансов, картелям об обмене пленными и даже первым кодифицированным актам, регулирующим правила пребывания военнослужащих противника в плену, то есть к Резолюции Второго Континентального конгресса США от 21 мая 1776 г. и Декрету Национального Конвента Франции от 4 мая 1792 г.

Вместе с тем практика наложения оков на пленников была тогда свойственна любому западному государству, а всех лиц, подвергавшихся данной участи, можно дифференцировать на четыре следующие категории:

1. Заподозренные в совершении таких деяний, которые уже в силу своей тяжести и степени общественной опасности предполагали ограничение свободы движений субъекта (шпионаж, пиратство, участие в мятеже, переход на сторону противника и т. п.) [14, с. 442, 446, 449; 22, с. 291–292; 23, с. 167, 170].

2. Бежавшие из плена либо покушавшиеся на побег. Здесь кандалы применялись как мера предотвращения рецидива и, одновременно, в качестве наказания за нарушение режима содержания. При этом надо заметить,

что еще в середине XVII в. виновный в таком правонарушении вполне мог оказаться на виселице. Но уже к концу столетия отношение к нему стало заметно смягчаться. Детерминировалось это, по-видимому, все большим утверждением доктрины естественного права, сторонники которой считали побег не более, чем выражением присущего человеку стремления к свободе, то есть «простительным грехом» [22, с. 291–292; 28, с. 58].

3. Совершившие в плену нетяжкие правонарушения. Надо полагать, что к таким людям средства ограничения подвижности применялись на тех же основаниях и в том же порядке, что и к собственным подданным. Вместе с тем на практике встречались и некоторые нюансы. Так, в Швеции в период Северной войны 1700 – 1721 гг. суды обычно приговаривали пленных (в том числе и россиян), избличенных во внебрачных связях со шведками, к церковному покаянию. Но поскольку отсутствие православного храма делало исполнение этого наказания проблематичным, местные власти находили ему замену: осужденного забивали в колодки и заставляли весь день просидеть на ступенях ближайшей кирхи [15, с. 257].

4. Иные лица, которых представители державшей в плену державы признавали необходимым связать или заковать в кандалы. В частности, это могли быть пленники, нападавшие на конвой под воздействием алкоголя или в силу расстройств психики. Это могли быть и жертвы чей-нибудь служебной ревности, как, например, русские генералы И. И. Бутурлин, И. Ю. Трубецкой и А. А. Вейде, бежавшие из Стокгольма в мае 1703 г., но вскоре задержанные многочисленными преследователями [11, с. 85]. (После доставления генералов к бургомистру шведской столицы оковы с них, надо полагать, сняли.) Наконец, это могли быть и вполне благонамеренные люди, имевшие неосторожность стать поручителями своих недобросовестных соотечественников. Так, в ходе Австро-турецкой войны 1788 – 1791 гг. император Иосиф II позволил группе пленных османских офицеров съездить на один месяц на родину, дабы они могли «позаботиться о своих семьях». Обязательство турков возвратиться к сроку обеспечивалось их честным словом и поручками остающихся в плену сослуживцев. Но поскольку через месяц никто из «отпускников» не вернулся, поручители были «закованы в цепи и отправлены на принудительные работы» [17, с. 426–428, 435–436].

Анализируя и сопоставляя вышеизложенное, нельзя не прийти к выводу, что в исследуемых хронологических рамках в странах Запада действовала *обычно-правовая норма, запрещающая налагать оковы на пленных* (если они, конечно, не подозревались в совершении каких-либо правонарушений).

Более того, названная норма, по всей видимости, *носила императивный характер*. Во всяком случае, на это указывает почти полное отсутствие в военно-исторической литературе сведений о применении средств ограничения подвижности к «законопослушным» пленникам. О том же говорят и некоторые иные факты. Так, в 1776 г., то есть в ходе Войны за независимость США 1775 – 1783 гг., американцы заключили в оковы пленного британского офицера в ответ на аналогичное действие англичан в отношении американского полковника. Причем США явно считали это

решение для себя крайне ответственным, почему и оформили его... резолюцией высшего органа власти страны – Второго Континентального конгресса [18, с. 13].

Наконец, мы утверждаем, что исследуемая норма являлась не только правовой, но и этической, поскольку обеспечивала идентификацию пленного солдата как честного защитника своего отечества и, тем самым, подчеркивала его моральную обособленность от лиц, преступивших закон. Характерно, что некоторые мемуаристы обращали первоочередное внимание именно на данное обстоятельство. Так, один пленный англичанин вспоминал, что в 1710 г. после битвы при Бриуэге (Война за испанское наследство 1701 – 1714 гг.) отдельных его соотечественников французы почему-то «заковали в цепи, как будто они были преступниками» [21, с. 57]. Почти столетие спустя другой невольник – на сей раз француз, плененный турками в ходе Войны Второй коалиции 1798 – 1802 гг., – описал то же самое и почти теми же словами: «османы не делали различия между военнопленными и преступниками. Они просто сковывали пленников парами, как разбойников, и заставляли их идти пешком до самого Стамбула» [26, с. 171].

Упоминание о турках подводит нас к еще одному значимому аспекту рассматриваемой проблемы: в раннее новое время запрет на ограничение подвижности военнопленных существовал одновременно и на христианском Западе, и на мусульманском Востоке. Но и там и там он изначально действовал *лишь в отношении собственных единоверцев*, но не представителей иных конфессий! Правда, во второй половине XVII в. страны Европы, под воздействием все большей гуманизации войны и развития идей веротерпимости, начали постепенно отказываться от ограничения свободы движений и османских пленников. Порта, конечно же, ответила им взаимностью. Но только десятилетия спустя. И подтверждается это, кстати, не одними лишь западноевропейскими авторами. Так, по данным турецкого историка А. Васифа-эфенди, османы заковывали пленных россиян в цепи в ходе Русско-турецкой войны 1768 – 1774 г. [4, д. 618, л. 93]. Аналогичные сведения имеются и применительно к следующей войне между Россией и Турцией (1787 – 1791 гг.) [9, д. 2376, л. 20].

Переходя к Московскому государству и Российской империи, отметим, что здесь, подобно зарубежной Европе и США, порядок и условия наложения оков на военнопленных базовыми нормативными правовыми актами не регулировались. Сказанное в полной мере относится к таким законам, как Приговор царский о кормлениях и о службе (1556 г.), Боярский приговор о станичной и сторожевой службе (1571 г.), Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки (1607 – 1621 гг.), Соборное Уложение (1649 г.), Устав Вейде (1698 г.), Устав прежних лет (1700 – 1705 гг.), Уложение Шереметева (1701 – 1705 гг.), Артикул краткий (1706 г.), Устав воинский (1716 г.) и др.

Вместе с тем в России, как и в западных странах, практика ограничения подвижности пленников, конечно же, существовала. Оценивая ее масштабы в эпоху XVI – XVII вв., такой известный отечественный историк права, как Ю. И. Гессен, пришел к выводу, что в Московском государстве военнопленных «обычно держали скованными» и «освобождали от

оков чаще всего тогда, когда с противником заключался “вечный мир”» [2, с. 62–63].

Мы не можем согласиться с приведенной точкой зрения, ибо не нашли ей достаточных подтверждений ни в царских повелениях, ни в корреспонденции дипломатического характера, ни в переписке воевод с Разрядным приказом, ни в иных документах. Кроме того, аргументируя свою позицию, Ю. И. Гессен, на наш взгляд, не всегда использует безупречные доводы. Так, ссылаясь на эпизод из Русско-польской войны 1654 – 1667 гг., ученый пишет: «Когда польский полковник, отпущенный на родину с тем, чтобы вместо себя прислать пленного русского, сидевшего в Польше “в чеши и железах, не выполнил обещания, в Москве на Английском дворе (одно из мест содержания пленников – прим авт.) заключили в железа сыновей полковника и его товарищей» [2, с. 62].

По нашим оценкам, мысль Ю. И. Гессена о том, что в России пленных «обычно держали скованными», данный пример не подтверждает, а скорее опровергает, так как до того момента, когда отказ поляка от выполнения своего обещания не стал очевидным, подвижность его сыновей и товарищей, судя по всему, никем не ограничивалась. Да и сами «заключенные в железа», вероятно, выполняли роль поручителей (или заложников), то есть изначально знали о своей возможной участи. Иными словами, здесь мы явно имеем дело с ситуацией, подобной уже описанной ранее и относящейся к Австро-турецкой войне 1788 – 1791 гг.

В совокупности все изложенное дает основания полагать, что до начала петровских преобразований отечественная практика ограничения свободы движений пленников вряд ли существенно отличалась от принятой в странах Запада. Но даже если эта оценка и не вполне справедлива, бесспорным остается тот факт, что уже в начале XVIII в. Россия, по существу, *отказалась от наложения оков на военнопленных*.

Если говорить конкретнее, то последнее выявленное нами распоряжение о массовом ограничении подвижности пленников из числа представителей христианских держав (в данном случае – шведов) датируется 7 июля 1705 г. [5, т. 3, с. 371]. Отсюда можно с высокой степенью вероятности предположить, что в России лиц указанной категории перестали «ковать» еще на ранних этапах Северной войны 1700 – 1721 гг. Что же касается подданных Османской империи, то их окончательное избавление от кандалов связано с завершением Русско-турецкой войны 1735 – 1739 гг. и датируется 26 ноября 1739 г. Именно в этот день Сенат направил губернаторам следующее повеление императрицы Анны Иоанновны: «турок и татар, которые в разные места разосланы и в работах казенных употребляются, содержать против прежнего с облегчением и <...> кто из них содержится вне работ в железах и колодках, оные с них снять» [8, д. 1853, л. 14–15].

Таким образом, в России запрет на ограничение подвижности пленных эволюционировал по аналогии со странами Запада, то есть изначально он касался лишь христиан, и только по прошествии времени был распространен и на мусульман.

Сходным был и перечень правонарушений, за которые российские власти и в XVIII в. продолжали заключать военнопленных в оковы (шпио-

наж, переход на сторону противника и др.). Некоторое своеобразие наблюдалось лишь в отношении к побегам. Например, деяние такого рода, совершенное в одиночку или в составе группы (обычно до 15 – 20 человек), почти всегда влекло за собой усиление караулов и применение к беглецам средств ограничения подвижности. Последнее, впрочем, могло различаться деталями. Так, во время Русско-турецкой войны 1735 – 1739 гг. эти люди вплоть до своей репатриации оставались в ручных и ножных кандалах [7, кн. 410, л. 114, 116, 250], в период Русско-шведской войны 1788 – 1790 гг. – только в ножных [6, д. 49, л. 312], а в ходе Войны с Барской конфедерацией 1768 – 1772 гг. они «ковались» лишь на время следования к местам интернирования [24, с. 114–115].

Характерно, что для одних пленных все ограничивалось перечисленными мерами. Но других – особенно участников группового побега – ожидало и настоящее наказание, суровость которого обычно зависела от усмотрения лица, принимающего окончательное решение. Например, Петр Великий фактически приравнивал таких пленников к собственным подданным, дезертировавшим с военной службы. Как следствие, организатор побега, совершенного в период Северной войны 1700 – 1721 гг., мог быть казнен, а его участники отправлены на вечную каторгу [5, т. 4, с. 229]. Еще более жестким был подход князя Г. А. Потемкина. Так, в ходе Русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. он предписывал наказывать беглецов шпицрутенами, прогоняя «каждого сквозь 1000 человек по 12 раз», что оставляло этим людям мало шансов на выживание [6, д. 49, л. 1, 16]. В то же время для упомянутых ранее барских конфедератов наказание сводилось лишь к сокращению размеров их поденного жалования.

Несколько по-иному российские власти реагировали на информацию о подготовке пленниками массового побега (с числом участников от нескольких сот до тысячи и более человек). Первый подобный заговор был раскрыт в период Северной войны 1700 – 1721 гг., а точнее – в 1711 г. По данным Г. В. Шебалдиной, пленные собирались разоружить гарнизоны Свияжска и Казани, после чего прорваться в Польшу (по другой версии – в Крым). В ходе следствия около 60 зачинщиков были арестованы и до конца войны содержались в тюрьме «на хлебе и воде». Кроме того, изначально к ним применялись и средства ограничения подвижности (кандалы). Но уже в 1713 г. последняя мера была отменена под давлением Стокгольма, угрожавшего ответить взаимностью и заключить «в железа» некоторых высокопоставленных россиян [12, с. 39–41, 86].

Впрочем, при преемниках Петра Великого отношение к лицам, замышлявшим массовый побег, стало более снисходительным. Так, летом 1739 г., то есть в ходе Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., из г. Нарва предполагали бежать от 300 до 400 пленных османов. Небезынтересно отметить, что Сенат даже не стал интересоваться зачинщиками, а ограничился распоряжением всех пленников «обязать подпиской» о непобеге и «перепоручить круговой порукой» [7, кн. 410, л. 275, 279; 8, д. 1853, л. 8]. В период следующей Русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг., а вернее – в 1771 г., сходная ситуация сложилась в крепости св. Дмитрия Ростовского (ныне г. Ростов-на-Дону), где содержалось не менее 1 500 пленных, в большинстве своем – янычар. Как установило следствие, османы плани-

ровали во время работ напасть с инструментами на караул, завладеть его оружием, а затем «разорить крепость» и вернуться на родину через Северное Причерноморье и Молдавию. Донося об этом в Военную коллегию, местное начальство предлагало «выпороть каждого десятого» турка. Но Коллегия отклонила данную меру, возможно, признав ее чреватой массовым возмущением османов, и распорядилась «наказать палками» лишь зачинщиков (15 человек). Причем сделать это предписывалось «при собрании всех пленных, которым наперед объявить, сколь велико к ним ее императорского величества милосердие <...> и сколь велика, напротив того, их неблагодарность» [8, д. 1878, л. 6–8, 16–17, 21].

Между тем на этапах эвакуации пленников в глубь страны правила применения к ним средств ограничения подвижности и, вообще, поддержания среди них дисциплины заметно ужесточались. В качестве примера можно сослаться на инструкцию киевского коменданта от 7 июля 1772 г., которую тот дал начальнику конвоя, сопровождавшему группу османов по маршруту Киев – Сумы. Согласно пункту 7 названного документа, при обнаружении признаков подготовки к бунту и(или) массовому побегу зачинщика требовалось вести «связав руки назад <...> а когда все в одном согласии [действуют] и словами унять их будет невозможно, то в таком случае употребить и силу оружия» [10, д. 6858, л. 3–4].

Как видно из перечисленного, до конца XVIII в. российское военнополитическое руководство не имело единого взгляда на социально-правовую природу побега военнопленных, что и детерминировало применение к ним далеко не одинаковых санкций. Однако именно в вопросах использования средств ограничения подвижности мы наблюдаем явные (хотя и не всегда удачные) попытки Петербурга следовать таким юридическим принципам, как «взаимость», «соразмерность наказания содеянному» и «ответственность только за противоправное поведение, а не за мысли».

Возвращаясь к зарубежной практике, считаем нужным особо выделить Договор о дружбе и торговле между Пруссией и США от 10 сентября 1785 г., а вернее – его статью 24. Последняя представляла собой не что иное, как свод правил обращения с военнопленными и, наряду с прочим, содержала взаимное обязательство «не надевать на пленников кандалы, не связывать этих людей, и никаким иным способом не ограничивать свободное движение их конечностей» [27].

Трудно сказать, какая из сторон инициировала внесение в трактат приведенной нормы, поскольку на тот момент она соответствовала интересам обеих. Пруссия, скажем, могла видеть в ней очередной шаг в развитии идей С. Пуфендорфа, пользовавшихся особенной популярностью в германских землях. Соединенные Штаты, в свою очередь, стремились исключить повторение болезненного для них опыта Войны за независимость 1775 – 1783 гг., когда англичане категорически отказывались признавать американцев военнопленными и причисляли их к мятежникам, то есть к преступникам, со всеми вытекающими для обладателей этого статуса последствиями.

Однако, как бы то ни было, упомянутое соглашение до сих пор остается *единственным актом*, в котором исследуемый нами правовой обычай

был санкционирован на уровне международного договора. Его также можно назвать и своеобразной «вершиной» развития запрета на заключение пленнх в оковы, ибо в дальнейшем законодатели предпочитали использовать уже куда менее определенные формулировки. Лучшим примером тому служит первый в мировой истории кодифицированный акт права войны – Инструкция полевым войскам США от 24 апреля 1863 г., более известная как Кодекс Либера. Согласно ст. 75 названного документа: «Пленные подлежат ограничениям или содержанию под арестом, *если это будет признано необходимым по соображениям безопасности.* <...> Условия содержания пленнх и правила обращения с ними *могут изменяться в соответствии с требованиями безопасности*» [16, с. 24].

Очевидно, что данные положения в корне противоречили и соглашению от 10 сентября 1785 г., и общеевропейскому тренду на сужение сферы применения средств, препятствующих свободе движений пленников. Но самое главное – они допускали предельно широкое толкование и, тем самым, открывали дорогу для применения к военнопленным таких же ограничительных мер, которые практиковались в отношении правонарушителей.

Все это дает основания полагать, что сама мысль о недопустимости заключения пленнх в оковы была исторически чужда американскому военно-правовому сознанию. Хотя бы уже потому, что до начала минувшего столетия военнослужащие США почти не участвовали в культурном обмене с армиями Старого Света, а их базовые ценности и профессиональная этика формировались, главным образом, в ходе Индейских войн, то есть серии полицейских операций XVIII – XIX вв. Иными словами, в новое время солдаты и офицеры Соединенных Штатов просто не могли быть сколько-нибудь последовательными носителями ни европейских военных традиций, ни европейских представлений о воинской чести, что, собственно, и нашло свое выражение в ст. 75 Кодекса Либера.

Заключение

Обобщая содержание настоящей работы, приходим к следующим выводам.

1. В раннее новое время в Европе сложилась и утвердилась императивная норма обычного международного права и военной этики, предусматривающая запрет на применение к пленным каких бы то ни было средств ограничения подвижности. К исходу XVIII в. действие данной нормы распространялось на пленников практически всех европейских держав (включая Османскую империю) при условии, что эти лица не являются субъектами правонарушений.

2. Указанная норма была призвана подчеркнуть, что солдаты противника оказались в неволе, честно исполняя свой воинский долг перед монархом и отечеством, и этим принципиально отличаются от преступников.

3. Теоретико-правовые основы запрета на заключение пленнх в оковы были разработаны немецким ученым С. Пуфендорфом, а главнейшими предпосылками их реализации стали:

– переход от религиозных войн к кабинетным, повлекший общую гуманизацию вооруженных конфликтов;

– создание в Европе постоянных, а затем и регулярных армий, в которых военнослужащие неизбежно становились носителями близких по содержанию ценностных ориентаций и установок;

– укрепление государственных институтов и признание незаконными любых частных вооруженных формирований, в результате чего солдаты и офицеры стали служить исключительно своим монархам;

– упразднение частного плена и выкупа, благодаря чему пленник оказывался теперь во власти только держащей в плену державы, сохраняя статус лично свободного человека и подлежал либо обмену на равноценного военнослужащего противника (в ходе войны), либо обязательной послевоенной репатриации.

В совокупности все это обеспечило признание чести военнопленного и, тем самым, позволило ему занять в социальной иерархии более высокое, нежели ранее, место.

4. В России запрет на ограничение подвижности пленников развивался в русле основных общеевропейских тенденций и в тесной связи с модернизацией страны и ее вооруженных сил.

В целях более полной реконструкции процесса эволюции рассматриваемого запрета считаем целесообразным сосредоточить дальнейшие исследования на эпохе XIX – XXI вв., уделяя особое внимание локальным войнам и региональным вооруженным конфликтам.

Список литературы

1. **Акты, относящиеся к истории Западной России**, собранные и изданные Археографической комиссией: В 5 томах. Т. 2. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1848. 444 с.

2. **Гессен Ю. И.** Жизнь пленных в Московском государстве // Русское прошлое. Исторические сборники / Под ред. С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и Юлия Гессена. Пг.–М.: Петроград, 1923. № 2. С. 55 – 73.

3. **Гроций Г.** О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 867 с.

4. **Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).** Ф. 550. Оп. IV.

5. **Письма и бумаги императора Петра Великого.** В 13 томах. СПб.: Гос. тип., 1889. Т. 3. 1066 с.; 1900. Т. 4. 1260 с.

6. **Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ).** Ф. 245. Оп. 1.

7. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 248. Оп. 7.

8. **Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. 16. Оп. 1.

9. **РГВИА.** Ф. 846. Оп. 16.

10. **Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (ЦГИАК Украины).** Ф. 59. Оп. 1.

11. **Шебалдина Г. В.** Заложники Петра I и Карла XII: повседневный быт пленных во время Северной войны. М.: Ломоносовъ, 2014. 186 с.

12. **Шебалдина Г. В.** Шведские военнопленные в Сибири: первая четверть XVIII века. М.: РГГУ, 2005. 209 с.

13. **Donagan B.** The Web of Honour: Soldiers, Christians, and Gentlemen in the English Civil War // The Historical Journal. 2001. Vol. 44, No. 2. P. 365 – 389.

14. **Dzurec D.** Prisoners of War and American Self-Image during the American Revolution // *War in History*. 2013. Vol. 20, No. 4. P. 430 – 451.
15. **Henriksson H.** Ukrainian Cossacks and other prisoners of war in Sweden during the Great Northern War (1700–1721) // *Україна в Центрально-Східній Європі*. Вип. 16. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2016. С. 247 – 259.
16. **Instructions** for the Government of Armies of the United States in the Field, prepared by Francis Lieber, LL.D., Originally Issued as General Orders No. 100, Adjutant General's Office, 1863. Washington: Government Printing Office, 1898. 51 p.
17. **Lázár B.** Turkish Captives in Hungary during Austria's Last Turkish War (1788–91) // *Hungarian Historical Review*. 2015. Vol. 4, No. 2. P. 418 – 444.
18. **Lewis G. G., Mewha J.** History of Prisoner of War Utilization by the United States Army, 1776–1945 // Department of the Army Pamphlet. 1955. No. 20-213. 278 p.
19. **MacKenzie S. P.** The Treatment of Prisoners of War in World War II // *The Journal of Modern History*. 1994. Vol. 66, No. 3. P. 487 – 520.
20. **MacKenzie S. P.** The Shackling Crisis: A Case-Study in the Dynamics of Prisoner-of-War Diplomacy in the Second World War // *The International History Review*. 1995. Vol. 17, No. 1. P. 78 – 98.
21. **Martínez-Radio Garrido E. C.** Los prisioneros en el siglo XVIII y el ejemplo de la Guerra de Sucesión / ENTEMU: Aportaciones a cinco siglos de la Historia Militar de España. Gijón: Centro Asociado de Asturias, 2013. P. 49 – 74.
22. **Morieux R.** The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century. New York, NY: Oxford University Press, 2019. 448 p.
23. **Moya Sordo V.** Cautivos del corso español. El trato a los prisioneros durante el siglo XVIII // *Cuadernos De Historia Moderna*. 2019. V. 44. No. 1. P. 159 – 179.
24. **Mulina S. A.** Jeńcy-konfederaci w perspektywie rosyjskich problemów i konfliktów społecznych // *Konfederacja Barska 1768–1772*. Warszawa: Neriton, 2018. S. 113 – 124.
25. **Pufendorf S.** Of the Law of Nature and Nations / Translated into English. The second edition. Oxford: Printed by L. Lichfield, for A. and J. Churchil, 1710. 724 p.
26. **Şakul K.** What happened to Pouqueville's Frenchmen? Ottoman treatment of the French prisoners during the War of the Second Coalition (1798–1802) // *Turkish Historical Review*. 2012. Vol. 3, No. 2. P. 168 – 183.
27. **The Treaty** of Amity and Commerce between the Kingdom of Prussia and the United States of America (September 10, 1785). URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/prus1785.asp (дата обращения: 14.01.2023).
28. **Tycko S.** The Legality of Prisoner of War Labour In England, 1648–1655 // *Past & Present*. 2020. Vol. 246, No. 1. P. 35 – 68.
29. **Vattel E.** The law of nations, or Principles of the law of nature, applied to the conduct and affairs of nations and sovereigns. 6th American ed., from a new edition by Joseph Chitty. Philadelphia: T. & J. W. Johnson, 1844. 492 p.

References

1. *Akty, odnosjashiesja k istorii Zapadnoj Rossii, sobrannye i izdannye Archeograficheskoi komissiej* [Acts related to the history of Western Russia, collected and published by the Archeographic Commission]: In 5 volst., vol. 2, St. Petersburg: Tip. 2-go otdnija Sobstv. e. i. v. kanceljarii Publ., 1848, 444 p. (In Russ.)
2. **Gessen Ju.I., Platonov S.F., Presnjakov A.E., Gessen J. [Ed.]**. *Zhizn' plennyh v moskovskom gosudarstve* [Life of prisoners in the Moscow state]. *Russkoe proshloe. Istoricheskie sborniki* [Russian past. Historical collections]. Petrograd-Moscow: Petrograd Publ., 1923, No. 2, pp. 55-73. (In Russ.)
3. **Grotius H.** *O prave vojny i mira* [The Rights of War and Peace], Moscow: Ladomir Publ., 1994, 867 p. (In Russ.)

4. **Otdel rukopisey Rossiyskoy Natsionalnoy biblioteki (OR RNB)**. [Manuscript Department of the National Library of Russia], fund 550, inventory IV. (In Russ.)
5. **Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo** [Letters and papers of Emperor Peter the Great], In 13 vols. St. Petersburg: Gos. tip. Publ., 1889, vol. 3, 1066 p.; 1900, vol. 4, 1260 p. (In Russ.)
6. **Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-morskogo flota** (RGA VMF). [Russian State Archive of the Navy], fund 230, inventory 1. (In Russ.)
7. **Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov** (RGADA). [Russian State Archive of Ancient Acts], fund 248, inventory 7. (In Russ.)
8. **Rossiiskij gosudarstvennyj voенno-istoricheskij arhiv** (RGVIA). [Russian State Military Historical Archive], fund 16, inventory 1. (In Russ.)
9. **RGVIA** [Russian State Military Historical Archive], fund 846, inventory 16. (In Russ.)
10. **Tsentrал'nyy gosudarstvennyy istoricheskij arkhiv Ukraїny v g. Kyїve** (TSGIAK Ukraїny) [Central State Historical Archives of Ukraine in Kiev], fund 59, inventory 1. (In Russ.)
11. **Shebaldina G. V. Zalozhniki Petra I i Karla XII: povsednevnyi byt plennykh vo vremya Severnoi voiny** [Hostages of Peter I and Charles XII: everyday life of prisoners during the Northern War], Moscow: Lomonosov Publ., 2014, 186 p. (In Russ.)
12. **Shebaldina G. V. Shvedskie voennoplennye v Sibiri: pervaja chetvert' XVIII veka** [Swedish prisoners of war in Siberia: the first quarter of the XVIII century], Moscow: RGGU Publ., 2005, 209 p. (In Russ.)
13. **Donagan B.** The Web of Honour: Soldiers, Christians, and Gentlemen in the English Civil War, *The Historical Journal*, 2001, vol. 44, no. 2, pp. 365-389.
14. **Dzurec D.** Prisoners of War and American Self-Image during the American Revolution, *War in History*, 2013, vol. 20, no. 4, pp. 430-451.
15. **Henriksson H.** [Ukrainian Cossacks and other prisoners of war in Sweden during the Great Northern War (1700-1721)], *Україна в Централ'но-Східній Європі. Bun.* 16, Київ: Інститут історії України НАНУ, 2016, pp. 247-259. (In Ukr.)
16. **Instructions for the Government of Armies of the United States in the Field, prepared by Francis Lieber, LL.D., Originally Issued as General Orders No. 100, Adjutant General's Office, 1863**, Washington: Government Printing Office, 1898, 51 p.
17. **Lázár B.** Turkish Captives in Hungary during Austria's Last Turkish War (1788–91), *Hungarian Historical Review*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 418-444.
18. **Lewis G. G., Mewha J.** History of Prisoner of War Utilization by the United States Army, 1776–1945, *Department of the Army Pamphlet*, 1955, no. 20-213, 278 p.
19. **MacKenzie S. P.** The Treatment of Prisoners of War in World War II, *The Journal of Modern History*, 1994, v. 66, no. 3, pp. 487-520.
20. **MacKenzie S.P.** The Shackling Crisis: A Case-Study in the Dynamics of Prisoner-of-War Diplomacy in the Second World War, *The International History Review*, 1995, vol. 17, no. 1, pp. 78-98.
21. **Martínez-Radío Garrido E.C.** *Los prisioneros en el siglo XVIII y el ejemplo de la Guerra de Sucesión / ENTEMU: Aportaciones a cinco siglos de la Historia Militar de España*, Gijón: Centro Asociado de Asturias, 2013, pp. 49-74.
22. **Morieux R.** The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century. New York, NY: Oxford University Press, 2019, 448 p.
23. **Moya Sordo V.** Cautivos del curso español. El trato a los prisioneros durante el siglo XVIII, *Cuadernos De Historia Moderna*, 2019, vol. 44, no. 1, pp. 159-179. (In Spanish)
24. **Mulina S.A.** *Jeńcy-konfederaci w perspektywie rosyjskich problemów i konfliktów społecznych* [Prisoners-Confederates in the perspective of Russian problems

and social conflicts], *Konfederacja Barska 1768–1772* [Bar Confederation 1768–1772], Warszawa: Neriton, 2018, pp. 113–124. (In Polish)

25. **Pufendorf S.** *Of the Law of Nature and Nations / Translated into English. The second edition*, Oxford: Printed by L. Lichfield, for A. and J. Churchil, 1710, 724 p.

26. **Şakul K.** What happened to Poucheville's Frenchmen? Ottoman treatment of the French prisoners during the War of the Second Coalition (1798–1802), *Turkish Historical Review*, 2012, vol. 3, no. 2, pp. 168–183.

27. **Available at:** https://avalon.law.yale.edu/18th_century/prus1785.asp (accessed 14 January 2023).

28. **Tycko S.** The Legality of Prisoner of War Labour In England, 1648–1655, *Past & Present*, 2020, vol. 246, no. 1, pp. 35–68.

29. **Vattel E.** *The law of nations, or Principles of the law of nature, applied to the conduct and affairs of nations and sovereigns. 6th American ed., from a new edition by Joseph Chitty*, Philadelphia: T. & J. W. Johnson, 1844, 492 p.

The Emergence of a Ban on Using Mobility Restrictions for Prisoners of War in Russia and Western Countries (Mid 17th-18th Centuries)

V. V. Poznakhirev, *Cand. Sci. (History)*,
Department of History, Humanities, Social and Economic Disciplines,
Private Institution Educational Organization of higher education
“Reaviz” University, St. Petersburg, Russia;
vvr@list.ru

Issues related to the use of mobility restrictions on prisoners of war in early modern times have never attracted the attention of either domestic or foreign lawyers. Meanwhile, their consideration could contribute to a deeper reconstruction of the processes of evolution of military and international humanitarian law.

The purpose of this study is to partially fill the designated historiographical gap. In the course of the work, it was established that in the first half of the 17th – 18th centuries in most European states, an imperative norm of customary international law and military ethics was formed and established, providing for a ban on the imprisonment of prisoners in chains. The main historical prerequisites for the origin and formation of this prohibition are revealed. It is proved that the norm in question was formed as a result of the recognition of an enemy soldier as a bearer of military honor, and its main purpose was to prevent the identification of a prisoner of war with a criminal. It was emphasized that in Russia, the ban on the use of mobility restrictions on prisoners was developed in line with the main pan-European trends and in close connection with the modernization of the country and its armed forces.

Keywords: military honor; shackles; fetters; offense; S. Pufendorf; binding.

© В. В. Познахирев, 2023

Статья поступила в редакцию 25.05.2023

При цитировании использовать:

Познахирев В. В. Становление запрета на применение к военнопленным средств ограничения подвижности в России и западных странах (середина XVII – XVIII вв.) // *Право: история и современность*. 2023. Т. 7, № 2. С. 142 – 156. doi: 10.17277/pravo.2023.02.pp.142-156